

С.В. Максимов

Сибирь и каторга

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.В. Максимов**
Сибирь и каторга: Часть 1 / С.В. Максимов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 492 с.

ISBN 978-5-518-10785-4

ISBN 978-5-518-10785-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и условную милостыню торговый крестьянин, купец, вчера только успевший оплесть доверчиваго казака на овсѣ и хлѣбѣ и давно уже отдавшій всѣ свои помыслы черствому и мертвящему дѣлу „наживанія“ капитала. Несетъ онъ свое подаваніе — и оглядывается, даетъ — и не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащить свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и сроку, и домашнія невзгоды, которыя скопиль на казачьи головы пресловутый, тяжелый Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ Богу на свѣчку, изъ спрятанныхъ на черный день и недобрый часъ.

Всѣмъ имъ въ отвѣтъ пропоютъ уже арестанты за деревню такую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,
Что не забываете вы насъ,
Бѣдныхъ, несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слывуть подъ названіемъ „Милосердной“. Слышится эта пѣсня въ одной только Сибири, но и тамъ она извѣстна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи — именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣвка нищихъ и сборщиковъ подаяній на церкви: „Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ, Христа-ради“. Словами этими просили милостыни въ голодъ, т. е. кричали на распѣвъ, пока искусство досужихъ не слило словъ въ пѣсню и не обязало извѣстнымъ своеобразнымъ напѣвомъ. Въ Россіи этой пѣсни не поютъ (да здѣсь она и не извѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освященное обычаемъ, право просить къ недостающему казенному содержанію послышнаго прибавка отъ добродѣтельныхъ дателей, — но по Россіи „Милосердную“ замѣнялъ бой въ барабанъ. Этотъ бой велъ къ той же цѣли и обезпеченъ былъ тѣмъ же результатомъ, хотя, по сознанию арестантовъ, и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говорилъ мнѣ одинъ изъ бѣгло-каторжныхъ), дай-ка намъ эту „Милосердную“ вдоль Россіи протянуть, дай-ка! мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ дѣло казенное, въ барабанъ солдатъ бьютъ. Не всякому это понятно, а у всякаго отъ бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно. Телячья шкура того не скажетъ, что языкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣстъ заточенія или изгнанія.

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и доверенные конвойному офицеру съ командою, выходятъ еженедѣльно, въ урочной день, изъ пересыльнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами на улицѣ, арестантская партія на долгое время загѣмъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идутъ въ дальнюю и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей сулитъ эта дальняя дорога, много горя общаетъ она арестантамъ тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ круглый годъ: и на лѣтней жарѣ, и на весеннихъ дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злосключеніе! тѣмъ пуще и горче оно, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе которой въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

„Тамъ, — думаетъ народъ: — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, взрты крутыя, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ вырыты ямы, глубиною въ самые глубокіе рѣчные и озерные омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужъ потомъ не выпутъ и не выпустятъ. И будутъ сидѣть они тамъ, Божьихъ дней не распознавая, Господнихъ праздниковъ не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко нагрѣтыхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни сроку, ни платы, ни отдыха. Изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печаляхъ, затѣмъ, что ужъ имъ всякій выходъ заказанъ, и родина отрѣзана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока — глубока да и запечатана. Съ цѣпи не сорвешься, казна вездѣ найдеть. Изъ песку веревочки не сошьешь, а на чужой дальней сторонѣ помрешь и кости по родинѣ заплачутъ. И помогъ бы такому неключимому горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе заключенники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжелое, да грошъ трудовой, кровный: авось и онъ вамъ пригодится. Пригодится хлѣбца прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставить; онъ вамъ и путь укажетъ, и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подастъ, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прощайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копейка не щербатая! тѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!“

Собираетъ арестантская партія, идучи по Москвѣ, мірскія подаянія въ примѣтномъ обиліи и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренни и у которыхъ заработная копейка только насущная, безъ излишка, самому крѣпко нужная. Порывы къ благотворенію въ этой

толпы еще не приняли обыденной рутинной формы и еще не успели снизойти до обычая, который всегда предполагает срок и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій, онъ ждетъ только напоминанія. Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука кандаловъ, чтобы вызвать порывъ зтогъ на дѣло и обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ толпы народной сходитъ на арестантскую партію не роскошная дача, тутъ рубль копейки не подшибаетъ. Но, тѣмъ не менѣе, пожертвованія идутъ справа и слѣва въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыркахъ, въ богатомъ купеческомъ Замоскворѣчьи, на торговой Таганкѣ и въ извозничьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, чѣмъ больше благопріятствуетъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подаванія обильнѣе и ощутительнѣе для арестантской артели. Но разобрать трудно, кто подаетъ больше: случайно ли попавшійся на улицѣ прохожій покупатель, или прикованный къ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ торговцевъ и барышниковъ, извозчикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всѣ благотворители равноправны и равносильны, едва ли существуетъ тутъ какая нибудь примѣтная разница.

Разницы этой должно искать въ другомъ разрядѣ благотворителей, и именно тѣхъ, которые кончили уже свое дѣло на улицѣ, которымъ улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благотворители эти засѣли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но за дѣломъ и недосугомъ ждуть сильныхъ возбужденій. Жизнь людей этихъ, принужденныхъ искать системы и порядка, проходитъ разбѣреннымъ шагомъ, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому „днени довѣдетъ злоба его“. Есть въ средѣ дней этихъ и такіе, которые по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по житейскимъ случайностямъ, но опять-таки по предварительному и преднамѣренному назначенію, посвящены дѣламъ благотворенія. Источникъ послѣдняго лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило все широкое раздолье русской земли монастырями и церквами и снабдило тѣ и другія громкими звонами, драгоценными вкладами, богатыми дачами. Родительскія субботы и радунницы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники издавна обусловлены обязательно хлѣбною жертвою и денежнымъ подаваніемъ въ пользу страждущихъ, гонимыхъ и заключенныхъ Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдуемый всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальнихъ, большихъ и малыхъ городовъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, кото-

рое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочувствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ ученіе, по смыслу котораго „рука дающаго не оскудѣваетъ“, цѣлостнѣе и опредѣленнѣе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны—зажиточная жизнь и материальное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которыя, по преимуществу, обстроены домами купцовъ-старовѣровъ. „Одѣнемъ нагихъ,—говорятъ они въ своей пословицѣ:—обуемъ босыхъ, накормимъ алчныхъ, напоимъ жадныхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе“; „денежка-молитва, что острая бритва: всѣ грѣхи сбрѣть“, „а потому одной рукой собирай, а другой раздавай“, ибо „кто сырыхъ питаетъ, того Богъ знаетъ“, а „голаго выискать, Богъ и въ окошко подастъ“. Эти правила-пословицы дошли до насъ отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характернѣе другихъ рисуящемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность посильнымъ приношеніемъ и помощью уладить тяжелые дни жизни всякаго ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Никона, находилъ и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и снохи („пришлютъ кусокъ мяса, иногда колбаску, иногда мучьки и овсеца“), и отъ воеводскаго приказчика („мучьки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку да овечекъ съ 5—6, мясо“). На Байкалѣ незнакомые встрѣчные русскіе люди надѣлили пищею, сколько было надобно, „осетровъ съ 40 свѣжихъ привезли, говоря: вотъ, батюшко, на твою часть Богъ, въ запорѣ, намъ далъ, возьми себѣ всю“. Починили ему лодку, зашили парусъ и на дорогу снабдили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣялъ самъ царь съ царицею и боярами („пожаловалъ царь 10 рублей денегъ, царица 10 рублей денегъ, Лука духовникъ 10 рублей же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а Федоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублей казначею своему велѣлъ въ шапку мяѣ сунуть“).

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстныя въ Западной Европѣ—у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благотворенія выросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначали такую странную даль, какова Сибирь, а для ссыль-

ных людей, такимъ образомъ, усложнили страданія, потребовавъ отъ нихъ большаго запаса силъ и терпѣнія. Только при помощи этого благотворнаго участія, облеченнаго въ форму матеріальной помощи, могли наши ссыльные (и первые и позднѣйшіе) отчасти противостоять всѣмъ вражьиимъ силамъ, исходящимъ въ одно время и изъ суровой природы и отъ жестокихъ людей. Въ примиреніи этихъ двухъ враждебныхъ и прямо-противорѣчивыхъ началъ (каковы общественное участіе, съ одной стороны, и слишкомъ ревностное и безчеловѣчно суровое исполненіе службы приставами—съ другой), въ стараніи восполнить избыткомъ участія однихъ крайній недостатокъ того же у другихъ, во всемъ этомъ провели большую часть своей изгнаннической жизни наши первые ссыльные. Свой опытъ и свои приемы они успѣли завѣщать и позднѣйшимъ несчастнымъ. Обѣ силы, и враждебная и благотворная, успѣли прожить долгіе годы и уцѣлѣть до нашихъ дней въ томъ цѣльномъ, хотя отчасти, можетъ быть, и въ измѣненномъ видѣ, что насъ уже особенно и не дивитъ денежныя пожертвованія, высылаемые въ послѣднее время изъ-за тюремныхъ стѣнъ на помощь страдающимъ, вѣдь ихъ, отъ безлѣбья и голода.

Во всѣ времена нашей исторіи и, въ особенности, въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій правительству представлялась возможность крѣпко опираться на добровольныя приношенія жертвователей и даже подчинять раздачу ихъ различнымъ узаконеніямъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что родившееся въ народѣ чувство благотворенія преступникамъ взлелеяно и воспитано правительствомъ въ такой сильной степени, что когда ему же понадобилось ослабленіе его, то всѣ мѣры оказывались слабыми и не дѣйствительными. Вотъ коротенькая исторія этой неурладицы.

Царь Феодоръ узаконилъ выпускать изъ тюремъ сидѣльцевъ по два человѣка на день для сбора подаваній. На этомъ правѣ колодники основывали свои челобитья на имена послѣдующихъ царей, когда встрѣчали прижимки со стороны приставниковъ. Прижимокъ было много и всѣ челобитья тюремныхъ сидѣльцевъ до временъ Петра переполнены подобными жалобами. Петръ, не любившій справокъ съ народными свойствами, недовѣрчивый къ непосредственнымъ народнымъ заявленіямъ, и на этотъ разъ призналъ за дѣйствительныя мѣры — крутыя и рѣшительныя: въ 1711 году онъ постановилъ за отпускъ колодниковъ за милостынею—виновныхъ ссылать на каторгу. Жалобы на то, что заключенные „съ голоду и цынги погибають“, не прекратились; законъ продолжали обходить. Въ Москвѣ водили колодниковъ на связкахъ по городу для прошенія милостыни и сенатъ (указомъ 20 сент. 1722 г.) принужденъ былъ

повторить запрещеніе. Тѣхъ, которые, за карауломъ сидя, прокормить себя не могли, стали отправлять въ разныя мѣста: мужчинъ для казенныхъ работъ въ Московскую губернію съ заработанными 4-мя деньгами на день для каждаго, а бабъ и дѣвокъ на мануфактурные прядильные дворы, отъ которыхъ шли имъ кормовыя также по 4 деньга на день. Затѣмъ, если „связки“ будутъ въ употребленіи, судьи обязывались штрафомъ. Но уже черезъ мѣсяць практика вызвала уступку. Тамъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ работъ (говорить указъ 1722 года отъ 17 октября), отпускать для прошенія милостыни по одной, а гдѣ много человѣкъ, по 2 и по 3 связки. Для связокъ употреблять длинныя цѣпи „съ примѣра того, какія на каторгахъ учинены“. Собранное подаваніе узаконено дѣлать только между тѣми, которые сидятъ въ государственныхъ дѣлахъ, а не въ дѣлахъ челобитныхъ (содержавшіеся за долги прокармливались на счетъ кредиторовъ). Екатерина I, слѣпо слѣдовавшая всѣмъ предначертаніямъ мужа, узнавъ, что колодники все-таки сумѣли отвоевать святочное право ходить съ 1-го января по 6-ое по дворамъ и по улицамъ,—указомъ 1726 г. (23 дек.) предупредила это дозволеніе, запретивъ его и подтвердивъ прежніе указы Петра. Подтверженія затѣмъ слѣдовали одно за другимъ, обременяя суды излишними бумагами, стѣсняя колодниковъ и мирволя приставникамъ къ излишней поживѣ отъ поборовъ и взымокъ. Въ концѣ концовъ, при Аннѣ разные приказы въ Москвѣ продолжали отпускать преступниковъ на связкахъ, безъ одежды, въ однихъ ветхихъ рубахахъ, „а другіе пытаные, прикрывая одні спины кровавыми рубахами, а у иныхъ отъ ветхости рубахъ и раны битыя знать“. Велѣно отпускать съ добрыми караульными, безодежныхъ кормить тою милостынею, которую соберутъ одѣтые. Въ 1738 г. (8-го февраля) принуждены были снова формально запретить колодникамъ ходить по міру, потому что просить ее не только по разнымъ мѣстамъ, но и въ одномъ мѣстѣ собираются по многу (особенно содержащіеся отъ военной конторы въ подложныхъ отдачахъ рекрутъ). Въ 1744 г. Елизавета (въ указѣ 16 ноября) признавалась, что колодники продолжаютъ собирать подаванія вмѣстѣ съ бродягами-нищими, а потому приказала въ этомъ случаѣ поступать по указамъ. Въ 1753 г. указъ подтвержденъ. По указу 1754 г. (30 марта) опять видно, что колодники нищенствуютъ по старому, ходя на связкахъ и во многомъ числѣ, а по указу 3 ноября 1756 года — что колодники ходятъ въ Москвѣ по церквамъ, „во время совершенія службы“, по домамъ, по кабакамъ, по улицамъ и по торговымъ мѣстамъ съ ящиками, на связкахъ, и притомъ пьянствуютъ и чинятъ ссоры. Указами не унялись. Прокуроръ сыскаго приказа Толстой свидѣтельствовалъ,

что колодники „дѣйствительно ходятъ пьяными въ разодранныхъ и кровавыхъ рубашкахъ, объявляя яко бы изъ сысского приказа пытаные и опредѣленные въ ссылку, и просить милостыню съ великимъ невѣжествомъ и необычнымъ крикомъ“. Шатуновъ велѣно ловить и поступать по указу, а съ караульных брать штрафы. По указу 1761 года видно, что колодники все-таки просить милостыню „съ невѣжествомъ“. Съ учрежденіемъ попечительнаго общества, уже при Александрѣ (въ 1819 г.), шатаніе колодниковъ остановлено не насильственными мѣрами, а регулированной благотворительностью. Къ тюремнымъ воротамъ привинчены были кружки для денегъ. Такія же кружки стали прибывать потомъ въ кордегардіяхъ губернскихъ правленій и къ церковнымъ стѣнамъ. Высыпанныя деньги пошли на улучшеніе пици въ добавокъ къ кормовымъ казеннымъ. Остатокъ шелъ арестантамъ при освобожденіи изъ заключенія и при отправленіи въ Сибирь. Въ тюрьмахъ заведены были артельные столы: отошла охота шататься со спеціальною цѣлью за подаеніемъ. При отправкѣ въ Сибирь арестанты увидѣли, что пожертвованныя деньги употреблялись на покупку для нихъ нужнаго на дорогу. Увлеченный успѣхами такихъ мѣръ, президентъ комиссіи князь Голицынъ ходатайствовалъ уже о новой мѣрѣ, желалъ отъ генераль-губернаторовъ предписанія, чтобы подаватели не давали денегъ арестантамъ на руки, а опускали бы ихъ въ кружки. Предписаніе дано, разумѣется, съ полною охотою и готовностью, но и ему судьба судила начало новой борьбы съ регулированьемъ добродѣтельныхъ подаеній, на каковую потрачено столько же напрасныхъ силъ, какъ свидѣтельствуетъ рассказанная нами исторія. Выдачу милостыни въ руки сверхъ той, которая уже опущена во внутреннія и наружныя тюремныя кружки, мы видимъ въ наши дни въ той же неприкосновенной цѣлости, не ослабленной, не побѣжденною, во всеоружіи несокрушимаго народнаго закона, однимъ изъ тѣхъ обычаевъ, которые безсилны не только искоренять, но и ослаблять всяческими законами, распоряженіями и предписаніями. Такъ, между прочимъ, еще въ 1767 г. замѣчено было, что подаеніе колодникамъ не выдается, а зачисляется въ кормовую дачу,—велѣно наблюдать, чтобы изъ подаенія въ руки cadaго колодника доходило не болѣе 3 коп. на день. Если затѣмъ явится остатокъ, то на него снабжать нужною одеждою. Не смотря, однако же, на это и на то, что по закону арестантъ не имѣетъ права имѣть при себѣ деньги (и для этого установлены обыски), не смотря на то, что давній опытъ указалъ на ненадежнаго посредника съ завистливымъ и алчнымъ окомъ, — жажда благотворительности не устаетъ и не прекращается. Даже какъ будто возростаеъ она по мѣрѣ того, какъ услож-

няются противодѣйствующія силы и неблагопріятныя причины.

Обусловливая свое религіозное чувство всякими подкрѣпляющими правилами, взятыми отъ св. писанія и изъ вѣковыхъ вѣрованій, жертвователи изъ торгующаго сословія Россіи, помимо урочныхъ, обязательныхъ дачъ, идутъ на благотвореніе и въ другія времена, но не иначе, какъ возбужденные и вызванные какимъ нибудь вышнимъ признакомъ, напоминаніемъ. Арестантская партія въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ, по волѣ и дозволенію начальства, къ единственному доступному имъ средству. Въ Россіи—это барабанный бой, производимый конвойнымъ барабанщикомъ; въ пути по Сибири—пѣніе пѣсни „Милосердной“, производимое всею путешествующею артелью арестантовъ. Въ Москвѣ, гдѣ, по сознанію всѣхъ ссыльныхъ, идутъ особенно обильныя и богатая подаенія, вызовы эти тѣмъ болѣе были необходимы, что маршрутъ шелъ стороною отъ тѣхъ улицъ, гдѣ, по преимуществу, сгруппировались домами тароватые богачи. Имена, отчества и фамиліи богачей-благотворителей помнить ссыльные и на каторгѣ. Вотъ, что я слышалъ тамъ.

— Въ нашей партіи на cadaго человѣка по тридцати рублей привелось, и все съ Москвы одной. Мы на первомъ этапѣ дуванъ дуванили (дѣлечь дѣлали). Пр—въ да С—въ такія жертвы кладутъ, что вся партія дивится. Пр—въ въ Преображенскомъ далъ всѣмъ ситцу на рубахи, да по три рубля на брата, да въ Богородскомъ наказалъ дать серпянки на штаны и по рублю денегъ.

— Москва подавать любить: меньше десяти-рублевой рѣдко кто подаетъ. Имениникъ, который выпадаетъ на этотъ день, тотъ больше жертвуетъ. И не было еще такого случая, чтобы партія какая не везла за собою изъ Москвы цѣлаго воза калачей; мы наклали два воза. Съ офицеромъ былъ такой уговоръ: на улицахъ останавливаться дольше, за пять часовъ остановки сто рублей самому Ивану Филатьичу (офицеру) и 10 рублей Семену Мироничу (унтеръ былъ).

— Владимиръ-городъ (сказывали мнѣ другіе каторжные) всѣхъ городовъ хуже: подаеніе сходило малое. Вязники Владимира лучше, но тоже не изъ щедрыхъ. Нижній Вязники перехвасталъ, на Нижнемъ Базарѣ жертва большая. И нѣту городовъ богаче и къ нашему брату арестанту сердобольнѣе, какъ Лысково село, Казань-городъ, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Тюмень, а все отъ того, что въ городахъ этихъ старовѣровъ много живетъ. На подаенія они не скупятся...

— Я, вотъ (грѣшный человѣкъ!), хмѣлемъ еще зашибаюсь, а и то въ дорогѣ накопилъ ста два рубля и сюда принесть; съ тѣмъ и жизнь свою каторжную началъ, а накопилъ съ

и триста, кабы не цыаное хамло. Поселенцы каторжных бережливыѣ, такъ тѣ и по пяти-сотъ рублей накопляютъ.

Помимо этихъ добротныхъ подаваній и казенныхъ кормовыхъ копеекъ, выдаваемыхъ арестантамъ на руки, партіи иныхъ стороннихъ доходовъ имѣютъ уже немного. Собственные арестантскія деньги передъ отправленіемъ отправляютъ въ губернскомъ правленіи и отправляютъ впередъ ихъ въ Тобольскій приказъ съ почтою; у ссыльныхъ, вмѣсто своихъ скопленныхъ денегъ, только квитанціи. Во время остановокъ по тюрьмамъ, арестанты получаютъ иногда подаванія натурою, съѣстными припасами, но отъ этого все-таки артельному капиталу не прибавокъ, при всемъ желаніи и стараніи арестантовъ. Существуетъ для партій еще одинъ доходъ денежный, но доходъ этотъ, при крайней оригинальности и неожиданности своей, случайный и не всегда вѣрный и благонадежный.

Извѣстно, напр., что за нѣсколько верстъ до большихъ губернскихъ городовъ на встрѣчу партіи выѣзжалъ бойкій на языкъ, ловкій и юркій въ движеніяхъ молодець, въ сибиркѣ и личныхъ сапогахъ, который обыкновенно оказывался приказчикомъ или повѣреннымъ того купца, который снимаетъ казенный подрядъ на поставку арестантамъ зимней одежды. Молодець этотъ обыкновенно находился въ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ партійнымъ офицеромъ и съ вѣдома его велъ такое дѣло, которое ему привычно и для арестантовъ выгодно. Онъ предлагалъ арестантамъ продать ему имѣющееся на нихъ теплое платье, обыкновенно полушубки, полученные немного времени тому назадъ и въ недалекомъ губернскомъ городѣ, при поступленіи въ пересыльную партію. Давалъ онъ немного, но давалъ наличными деньгами и при этомъ бралъ даже и крѣпко подержанные полушубки, замѣняя ихъ тою рванью, которую привозилъ съ собою, и изумлялъ только однимъ: именно, необыкновенною ловкостью въ покупкѣ, умѣвемъ сойтись и убѣдить арестанта на сдѣлку, для него и для нихъ выгодную. Весь процессъ перекупки совершался въ какихъ нибудь три или четыре часа и притомъ не смотря на количество пересыльныхъ, обстоятельство, приводившее всѣхъ въ изумленіе. Выѣзжая на бойкомъ рысачкѣ, молодець этотъ успѣвалъ привезти и сдать купленные вещи хозяину, а хозяинъ отвезти и сдать податливому начальству прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣть партію, прежде, чѣмъ партія эта придетъ въ городъ. Дальше дѣло немудрое. Полушубки, подсунутые въ казну ловкимъ перекупномъ, поступали опять на тѣ же плечи, съ которыхъ третьяго дня собраны, даже рѣдко исправленные, рѣдко измѣненные къ лучшему.

— По крайности обнашивать не приходится, меньше полушубокъ отшибать той дрянью и

запахомъ, безъ которыхъ ни романовскимъ, ни казанскимъ овчинамъ не жить, — думаютъ арестанты и остаются довольными.

— Хоть и рискованное дѣло приказчикъ обдѣлалъ, а все же я рубль на рубль нажилъ и слава Богу! Въ коммерціи нашей безъ этого нельзя! — думалъ въ свою очередь плутоватый подрядчикъ, самодовольно разглаживая бороду и отпаривая животь дешевымъ и привычнымъ чаемъ и всякими трактирными благодатями.

— Къ казенному жалованію не лишнее придаatokъ получить дѣтишкамъ на молочишко, — смекали про себя третьи и, довольные другъ другомъ, вели подобныя операціи не одинъ годъ и не въ одномъ мѣстѣ.

Вели подобныя операціи съ полушубками и безъ огульнаго участія всѣхъ ссыльныхъ, предлагая принять артельному старостѣ въ большой кучѣ даже и такіе коротенькіе и узенькіе, что и на подростковъ-ребятъ не годятся. Вся суть дѣла на этотъ разъ заключалась въ томъ, чтобы соблюсти форму и записать вещи въ расходъ. У ссыльныхъ большею частью полушубки хорошіе, ибо обношены и не смердятъ; съ таковыми-то, пожалуй, ему разставаться жалко, а полученные вновь арестанты имѣютъ право продать тутъ же. Тотъ же подрядчикъ охотно ихъ покупалъ, чтобы опять всучить ихъ въ тюремный цейгаузъ *).

Словомъ, довольны всѣ дважды, но, разумеется, довольныѣ всѣхъ оставались арестанты и потому, что видѣли заботливость начальства (какова она ни на есть), и потому, главное, что имѣли капиталъ въ развѣнной ходячей монетѣ. Она имъ нужна, нужна до зарѣзу и крайней безвыходной необходимости. Для арестантовъ по дорогѣ много соблазновъ: и предугаданныхъ и неожиданныхъ. Одинъ этапный командиръ нѣкогда держалъ, напр., кабакъ (и поэтому этапъ его, помимо казеннаго, носилъ другое названіе — пьянаго) и рассчиталъ правильно: давая изъ личныхъ выгодъ возможную свободу партіи, онъ заставлялъ ее унываться и пропиваться до нитки, до послѣдняго алтына. Арестанты тѣмъ охотнѣе дѣлали это, что вскорѣ за этапомъ пьянымъ выходитъ на дорогу новый богатый городъ Кунгуръ, щедрый на милостыню и подаванія. Тѣ и другіе пополняли истощенные капиталы, которые вскорѣ и опять усиливались денежными дачами отъ старообрядцевъ въ Екатеринбургѣ и Тюмени. Въ Тюмени, напримѣръ, пожертвованія въ праздники Рождества и Пасхи были столь велики, сытны и обильны, что этапные арестанты платили смотрителю деньги, что-

* Подъ Тобольскомъ въ подспорье мошнѣ ссыльныхъ существовалъ такой обычай: на почтѣ станціи кандалы у посельщиковъ покупали заранѣе, потому что, по приходѣ въ городъ, здѣшнія желѣза обыкновенно велѣли снимать и бросать въ кучу, которая, разумеется, никогда не провѣрялась.

бы на эти дни не выпускать дальше, а дать бы возможность поѣсть шанегъ, яицъ, кислаго молока и всего того, за что въ другихъ мѣстахъ и дальше приводится платить собственныя и довольно большія деньги.

Деньги, всесильныя, могущественныя, творящія чудеса, деньги освѣщали этапный путь, богатый мракомъ, спасали арестантовъ отъ множества непредвидѣнныхъ бѣдствій. Безъ денегъ и на этапахъ началась бы каторга, безъ нихъ тяжела бы стала путевая жизнь, подневольная и зависимая. Знали это начальники—и брали, знали это арестанты—и давали деньги за все, за что требовалъ уже установившійся обычай и безпредѣльный, безграничный, безсознательный произволъ. Произволъ и обычай сдѣлали то, что этапная жизнь арестанта сдѣлана была изъ разнаго рода притѣсненій и вымогательствъ. Тутъ мы видимъ цѣлую систему, которая за долгое время успѣла установиться и опредѣленно выясниться. Выяснилась она, по нашему крайнему разумѣнью, въ такой формулѣ: всякій человѣкъ по всяческому праву ищетъ свободы, но лишенный ее—еще сильнѣе и настойчивѣе. „Отъ тебя зависитъ моя свобода. Полной свободы ты мнѣ дать не можешь, не въ твоихъ это силахъ, не въ твоихъ это правѣхъ, ты самъ мало свободенъ. Но ты человѣкъ терпимый, бывалый, а потому смѣлый. Дашь себѣ немножко труда и можешь удѣлить намъ частицу, кусочекъ этой свободы. Смѣлости и рѣшимости тебя не учить, а намъ все равно: мы съумѣемъ обмануть себя, не разъ обманутые въ жизни, и частицу твоего права и твоей свободы примемъ за цѣлое. Но ты не хочешь, отчасти не можешь, дать намъ этого даромъ. Ты просишь вознагражденія за ту рѣшимость, за ту жертву, которыми рискуешь ради меня. Возьми! Возьми, сколько потребуешь, сколько это въ силахъ нашихъ! Но дай намъ подышать этой волей хоть на тотъ же пятакъ или грошъ, какими оцѣнилъ ты эту волю. Знаемъ, что мы обманываемъ себя, знаемъ, что завтра же придется намъ горько и слезно посмѣяться надъ собой, болѣзненно пожалѣть о затраченныхъ деньгахъ, попенять на себя за малодушіе: птичьего-де молока захотѣли! Но сегодня мы хотимъ забыть о кандалахъ и о заднихъ и переднихъ этапахъ. Сегодня мы только люди, ищущіе деньги, а завтра, пожалуй, варнаки, чалдоны, храпы. Но сегодня мы пьемъ и пляшемъ во всю ивановскую, потому что добыли на этотъ разъ за деньги непокупиное завѣтное наше право“.

Покупаютъ арестанты все. Даже право на подаяніе не всегда достается имъ даромъ и оно иногда требуетъ со стороны партіи денежной жертвы. Денежныя жертвы со стороны арестантовъ пойдутъ потомъ въ безконечность, но начало имъ все-таки въ самомъ началѣ пути.

Еще въ Москвѣ, тотчасъ по выходѣ партіи ссыльныхъ изъ пересыльнаго тюремнаго замка, бывалые этапные начальники спѣшили заявлять и объяснять тѣ начала, которыми будутъ руководствоваться они сами, а потомъ всѣ остальные товарищи ихъ, ближніе и дальные, этапные командиры.

— Какими васъ, ребята, улицами вести?—спрашивалъ бывало свою партію опытный этапный

— Хорошими, ваше благородіе!—отвѣчали, бывалые изъ арестантовъ.

— Сблагородите въ барабанъ бить и прохладу дайте,—прибавляли опытные изъ нихъ.

— Прохлада 50 рублей стоитъ, барабанъ столько же. Стало, ровно сто на меня, да десять на ундеровъ, по рублю на рядовыхъ, согласны ли?—говорилъ офицеръ.

— Идетъ!—отвѣчали бывалые изъ арестантовъ съ полною готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла глухая лѣтняя пора. Они начинали торговаться, если на ихъ сторону не было такихъ сильныхъ и благопріятныхъ условій.

Свѣжіе, мало опытные арестанты задумаются, удивятся такому риску, такой рѣшимости, зная, „что изъ казенной семитки такихъ денегъ не выкроишь, хотя всѣ иди въ складчину“; но не доходили еще до заставы Рогожской, сомнѣнія ихъ разбивались. Партія пойдетъ медленнымъ, примѣчательно медленнымъ шагомъ, и пойдетъ притомъ не тѣми улицами, которыя ведутъ прямо въ Рогожскую заставу и по маршруту, но тѣми, которыя по преимуществу наполняются торгующимъ народомъ или обставлены домами купцовъ-благотворителей (имена этихъ благотворителей, какъ уже сказано, помнятъ ссыльные, а дома ихъ хорошо знаютъ командиры и арестанты). Идетъ партія въ неизмѣнномъ, разъ нарисованномъ и на всегда установленномъ порядкѣ: впереди ссыльно-каторжные въ кандалахъ, въ серединѣ ссыльно-поселенцы, безъ оковъ ножныхъ, но прикованные по рукамъ къ цѣпи по четверо; сзади ихъ, также прикованныя по рукамъ къ цѣпи, идутъ ссылаемые на каторгу женщины, а въ хвостѣ неизбѣжный обозъ съ большими и багажемъ, съ женами и дѣтьми, слѣдующими за мужьями и отцами на поселеніе. По бокамъ, и впереди и сзади идутъ неизбѣжные конвойные солдаты и ѣдутъ отрядные конвойные казаки. Смотрите на картину эту въ любую среду (часа въ 4 по полудни) въ Петербургѣ, у Владимирской (хотя, наприм., въ Кузнечномъ) или въ Демидовомъ переулкѣ; прослѣдите ее за Томскомъ, за Красноярскомъ, посмотрите на нее въ Иркутскѣ: все одна и та же, разъ заказанная и нарисованная картина, только, можетъ быть, кое-когда окажется пробыль на мѣстѣ казаковъ. Въ этихъ картинахъ, со времени Сперанскаго, замѣчательное постоянство и однообразіе.

Привычный, не раз присмотрѣвшійся, замѣтить, пожалуй, во всей этой форменности нѣкоторую фальшь и натянутость, которая стягивалась и вытягивалась во время прохода партіи городами и распускалась, развѣтывалась свободнѣе за городомъ въ полѣ. Такъ, конечно, это и должно быть. Разглядѣть не трудно, что эта подтянутая форма и поддѣльный порядокъ существуютъ только для Россіи и въ Россіи*); по Сибири арестанты ходили вольнѣе, свободнѣе и распущеннѣе. Тамъ за параднымъ порядкомъ не гонялись, чѣмъ премного обязывали арестантовъ, которые были довольнѣе дорогами сибирскими, чѣмъ русскими, и прибавляли:

— До Тюмени идемъ, несемъ кандалы на помочахъ, а помочи надѣваемъ прямо на шею, по російски. И даютъ кандалы шею, даютъ плечи, а имъ и безъ того на ходу тяжело, всѣ онѣ нокоть. По Сибири несемъ кандалы на ремешкѣ, на поясу. По сибирски легче!

— По Сибири вольнѣе идемъ, легче и думаемъ. А думаемъ такъ: если, молъ, начальники къ тебѣ милостивѣй стали, значить, въ свою сторону припелъ, а если, молъ, не совсѣмъ она тутъ, то теперъ уже близко.

— Сибирь тѣмъ хороша, что врать не велить. Въ Россіи смиреніе напускай, а за угломъ дѣлай что хочешь; въ Сибири иди какъ хочешь и каковъ ты есть, не притворяйся, не заставляють.

— Въ Россіи думаютъ, что ты самый худой человекъ, коли „часы потерялъ, а цѣпочкой обзавелся“, а въ Сибири знаютъ, что мы не хуже другихъ и не лучше другихъ! Живутъ и на волѣ люди хуже тебя, а идешь ты на канатѣ затѣмъ только, что проще другихъ, глупѣе говорить надо. Значить—попался, хоронить концовъ не умѣль...

До Тобольска партіи шли въ полномъ составѣ, т. е. такъ же, какъ снимаются съ мѣстъ: женщины отъ мужчинъ не отдѣлялись, давая, такимъ образомъ, возможность видѣть по-часту на подводахъ, слѣдующихъ за партію, мужчинъ и женщинъ, сидящихъ вмѣстѣ. Понимающіе дѣло знали, что это счастливыя четы любовниковъ, успѣвшихъ за долгую дорогу перемолвиться и войти въ сношенія между собою и съ этапными; съ послѣдними для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти право принимать за собственныя деньги лишнюю подводу. Любовнымъ изъясненіямъ не препятствуетъ

*.) Художнику Якоби, желавшему уловить характерный беспорядокъ путешествующихъ арестантовъ, такъ и не удалось положить основы для будущей картины. Выѣзжалъ онъ и въ поле, радѣлъ ему и конвойный офицеръ, но арестанты все-таки вытягивали мертвый солдатскій фронтъ, выстраивали шеренги. Художникъ принужденъ былъ огривичиться личною фантазією и далъ картину, мало напоминающую этапный растахъ въ его настоящемъ правдивомъ видѣ.

при этомъ то, что по-часту подвода на-нимается въ складчину и стало быть на одиѣ сани садятся по двѣ и по три любящихся пары. По сознанію знатоковъ, женщины преступницы выработываютъ на этапахъ особое душевное свойство, которое мѣшаетъ имъ любить одного и служить на такой долгій срокъ, какой полагался для перехода партіи до мѣста. Этапная любовница особенной любви къ супружескимъ узамъ не показывала, она рѣдко остается вѣрною тому, кто первый подвелъ подъ ея преступное сердце мину и немного побольше любить развѣ только того, кто съ ловкостью соединяетъ важную и существенную доблесть. Дobleсть эта для ссыльной женщины заключается въ бережливости, а послѣдняя обезпечиваетъ всегда туго набитый денежный карманъ. Большинство женщинъ идетъ въ Сибирь за поджоги или за убійства дѣтей, а оба эти преступленія вызываются ревностью и обуславливаютъ въ ссыльной женщинѣ присутствіе пылкихъ страстей. Страсти эти, съ одной стороны, послужили къ гибели и ведутъ на каторгу, съ другой—язъ пересыльной женщины дѣлають легкую добычу для аматеровъ. Любители эти—по большей части этапные солдаты (на полуэтапахъ, напр., бабы—по уставу—ночуютъ въ солдатской караульнѣ), меньшая половина—товарищи-арестанты. Впрочемъ, нерѣдки случаи и постоянства въ любви, въ формѣ даже какъ будто гражданскаго брака, въ тѣхъ случаяхъ, когда защемило женское сердце тотъ молодецъ, который сосланъ безъ срока на каторгу, а стало быть не имѣетъ права вступать въ бракъ раньше 11 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, эти связи нельзя не считать въ числѣ главныхъ причинъ, что съ этаповъ не бѣгутъ и крѣпко держатся народъ обоюго пола за невеселый канатъ.

Наблюдающіе за томскими острогомъ согласно свидѣтельству о томъ, что пересыльные арестанты, пользуясь удобствомъ размѣщенія оконъ, выходящихъ на дворъ противъ бани, цѣлые часы простаиваютъ на одномъ мѣстѣ, любуются издали на моющихъ въ банѣ арестантокъ. Для достиженія желаемой цѣли подкупъ всегда дѣйствителенъ; иногда употребляется и насиліе. Въ тюремномъ острогѣ арестанты ловко прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщинъ; женщины настойчиво лѣзутъ къ мужчинамъ и артелями (человѣкъ въ 20) дѣлають правильныя вылазки, особенно въ больницу. Одинъ фельдшеръ попробовалъ помѣшать: ему накинули на голову платокъ и щекотали до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему не удалось вырваться изъ весьма опаснаго для жизни положенія, словомъ—пока онъ постыдно не бѣжалъ. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ сами смотрители способствовали свиданіямъ мужчинъ и женщинъ и брали за это рубль серебромъ.

Этапы, во всякомъ случаѣ, представляли боль-

ше удобства для сближений на случай любовных интригъ. Такъ объясняютъ и сами арестанты.

— А не выгорить дѣло, не удадутся хлопоты?

— Тогда мы въ разбивку идемъ.

— Что же это значитъ?

— Въ большомъ городу или на хорошемъ этапѣ къ лазарету пристраиваемся. Господа дохтура къ нашему брату жалостливы, отдыхать позволяютъ. А то, какъ и фелшаровъ покупаемъ, эти люди дешевые, на деньги слабые.

— Ну, а дальше что?

— Въ лазаретѣ ждешь, навѣдываешься, когда больше бабъ набралось, женская партія изъ Тожска приходитъ. У зрителя тюремнаго выпросишься, три рубля серебромъ подарить ему успѣха ради, онъ тебя къ женской партіи и припишетъ, на то законъ есть. И пойдешь съ бабами. Дорого это, да что дѣлать?! Фелшаръ, однако, дешевле зрителя. Этотъ за четвертакъ на койку положить, за двугривенный выпустить *).

— Кто до женскаго полу охотникъ (разсказывали намъ многіе другіе арестанты), тому траты большія, тому денегъ надо много: деньги ему надо на подводы, надо всякому солдату дать, офицеру—статья особенная. Опять же на водку изведеть онъ денегъ двойное, а не то и тройное количество. Смотрите-ка, во сколько ему дорога-то обойдется! А дорога дальняя, трудная. По Сибири денежныя подаванія меньше, все больше харчомъ да вздохами. Коли не скопилъ денегъ въ Россіи, въ Сибири не наживешь. Такъ и знай!

— Въ Сибири наживаютъ деньги одни только майданщики (т. е. откупщики **). Майданщику и баба другой стороной кажетъ, въ ней онъ пользу видить и по портяжному дѣлу. Во всякой рухляди каторжному большая нужда настонть.

— Кто же шьетъ, когда въ партію не упадутъ бабы?

— Пьянаго народу въ партіи всегда больше бываетъ, чѣмъ трезвыхъ. Такихъ совсѣмъ почти

*) Замѣчено, что женщины родили, до прихода въ Тобольскъ, дорогою. Придя въ приказъ, просили вступитъ въ бракъ или назначить въ одну губернію съ влюбленнымъ. «Были даже неоднократные примѣры, что оставившіе на роднѣхъ жену или мужа съ дѣтьми и не лишенные всѣхъ правъ состояніи, а слѣдовательно, не расторгнуты въ бракѣ, просили при жизни еще кого либо изъ супруговъ о вступленіи въ новый бракъ съ лицомъ, въ одной партіи идущимъ»—свидѣтельствуетъ одна официальная бумага. По закону до Тобольска женщинамъ не позволялось выходить замужъ и ни въ какомъ случаѣ не дозволялся бракъ каторжной женщины съ идущимъ на поселеніе.

**) Это—денежныя и ловкіе изъ арестантовъ, снимающіе подряды на содержаніе и продажу водки, картъ, съѣстного и пр. Но объ нихъ подробно скажемъ въ слѣдующей главѣ.

игать. А пьетъ народъ, такъ и пропивается, а затѣмъ и забираетъ въ долгъ у майданщика и табакъ и водку. А забралъ, такъ и плати чѣмъ сможешь, кто какое ремесло съ собой унесъ: портной ты—иглой ковырай; сапожникъ—дратву въ зубы, и все такое. Въ каждой партіи рѣдкій кто ремесла не знаетъ и ужъ и во всякой партіи по каждой части найдется доточникъ. Такъ это всѣ майданщики и разумѣютъ и припасъ покупаютъ мастерамъ сами въ деревняхъ у крестьянъ. Оттого у майданщиковъ навсегда деньгамъ водъ большой; майданщикъ первый богачъ въ свѣтѣ. Копейка у него сильная, да и та алтыннымъ гвоздемъ прибывается. Такіе ужъ и люди на это дѣло идутъ, особенные.

Въ Тюмени ожидаетъ этапныя партіи тюрьма и въ ней отдыхъ. Тамошняя тюрьма самая большая, самая просторная изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи по пути арестантовъ. Отдыхъ или пребываніе въ этой тюрьмѣ самое продолжительное изъ всего времени, назначаемого для растрасовъ (отдыховъ отъ 2 до 5-ти недѣль). Въ Тобольскѣ, какъ извѣстно, со времени учрежденія сибирскихъ губерній, по проктамъ гр. Сперанскаго, существовалъ приказъ о ссыльныхъ, учрежденный вмѣсто „общаго по колодничьей части присутствія“, бывшаго до 1823 года въ городѣ Тюмени *). Приказъ занимается сортировкой всѣхъ ссыльныхъ по разрядамъ, назначаетъ опредѣлительно мѣста ссылки, провѣряетъ частныя статейныя списки и составляетъ новыя. Истрачивая на все это примѣтное количество времени, приказъ, такимъ образомъ, даетъ арестантамъ нѣкоторую возможность перевести духъ, придти въ сознаніе, сообразить прошедшія и отчасти будущія обстоятельства жизни. Тобольская тюрьма, однимъ словомъ, играла весьма важную роль во всей этапной жизни арестантовъ. Знающіе люди примѣчали, что арестанты выходили оттуда опытнѣе, артели ихъ устроивались плотнѣе и прочнѣе. Тюрьма эта, богатая событіями разнаго рода и вида, дающая обильный и разнообразный дневникъ пропешествій, являлась чѣмъ-то центральнымъ, какимъ-то высшимъ и важнымъ мѣстомъ, гдѣ арестанту преподается всякая наука, дается всякое поученіе, столь необходимое для исключительнаго его положенія, для его новой жизни въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ быта. Рядомъ съ разбивкою по отдѣламъ, по разрядамъ, за тюрьмою идетъ все тотъ же порядокъ, какой былъ установленъ на прежнихъ этапахъ, но съ тою только разницею, что теперь порядокъ этотъ имѣетъ уже опредѣленные, законченныя формы и правила. Рядомъ съ правомъ приказа назначать пересыльныхъ арестантовъ на разныя городскія работы, существовалъ побѣгъ и изъ тюрьмы и съ

*) Сюда же обратно переведенъ приказъ изъ Тобольска на настоящее свое мѣсто, по справедливости.

этихъ работъ. Въмѣстѣ со строгостью тюремнаго заключенія и надзора шло объ руку дѣланье фальшивой серебряной монеты, составленіе фальшивыхъ видовъ, паспортовъ и печатей. Тюрьма тобольская, не смотря на то, что играла какъ будто неопредѣленную роль, какъ мѣсто временнаго помѣщенія, какъ бы роль проходнаго только постоянного двора, — важна была для проходящихъ партій главною стороною: коренною и самостоятельною наукою — наукою жизни въ ссылкѣ, на каторгѣ, на поселеніи и на тѣхъ же этапахъ. У тюрьмы тобольской своя исторія, оригинальная и поучительная, исторія, могущая служить прототипомъ для всѣхъ русскіихъ тюремъ. Это — резервуаръ, куда стекались всѣ нечистоты, скопившіяся во всѣхъ другихъ русскіихъ тюрьмахъ. Ее и на каторгѣ разумѣли въ томъ же смыслѣ, какъ разумѣютъ Москву другіе города, торгующіе тѣмъ же товаромъ, по тѣмъ же самымъ приемамъ и законамъ. Тобольская тюрьма сама даже нѣкогда исполняла роль каторжнаго мѣста и соблюдала въ своихъ стѣнахъ прикованныхъ на цѣпи, къ тачкѣ и проч.

Въ тобольской тюрьмѣ арестантскія партіи дѣлились на десятки, для каждаго десятка назначался особый начальникъ — десятскій, надъ нѣсколькими — главнокомандующій староста, выбираемый всею партіею. Приказъ о ссылныхъ утверждалъ выборъ и затѣмъ уже ни одинъ этапный офицеръ не имѣлъ права смѣнить старосту, развѣ только пожелаетъ этого вся путешествующая община арестантовъ. Староста этотъ, обыкновенно, собираетъ подаванія, когда даютъ таковыя по пути. Онъ же ходитъ съ конвойнымъ по дворамъ тѣхъ селеній, гдѣ стоитъ этапъ и когда назначена въ немъ двѣрка.

Изъ тобольской тюрьмы арестантъ выходилъ богачомъ, съ запасомъ новыхъ свѣденій на счетъ своего общественнаго значенія и съ запасомъ новыхъ вещей на счетъ казеннаго интереса. Въ мѣшкѣ у него появлялись двѣ рубахи, двое портовъ; на плечахъ новый армякъ — зипунъ изъ толстаго сѣраго сукна, съ желтымъ либо краснымъ тузомъ или двойкою на спинѣ, и съ единошерстнымъ родичемъ — штанами, а на ногахъ бродни — не сапоги и не калоши — обувь сибирскаго изобрѣтенія и вкуса, простая, но недолговѣчная, либо коты, т. е. мелкіе башмаки, начиненные бумагою *). На зимнее время движимое имущество его еще больше возрастаетъ въ силу требованій суровой страны: на плечи — душистый тулупъ, на руки варежки и голицы, на ноги сукояныя портянки, на голову трухъ — ту уродливую шапку на манеръ башлыка, которую любятъ въ дорогѣ, по глухимъ

мѣстамъ Россіи, старики-попы и торгующе крестьяне. Лѣтняя казенная шапка изъ сѣрагоі сукна безъ козырька, открывающая затылокъ и уши, дѣлаетъ изъ арестанта чучелу. Имущество это арестантъ можетъ уберечь, можетъ и продать кому угодно, охотниковъ много: тотъ же конвойный солдатъ, свой братъ торговецъ-майданчикъ, крестьянинъ сплутной деревни и проч. Тулупъ идетъ не свыше двухъ рублей, но бываетъ и дешевле полтинника; цѣна бродней колеблется между трехгривеннымъ и двумя двугривенными, рукавицы (т. е. шерстяныя варежки и кожанныя голицы вмѣстѣ) не свыше двугривеннаго. Продають больше по частямъ, но можно и все разомъ, особенно, если подойдетъ дорога подъ большой губернской городъ. Тамъ разговоръ извѣстный: скажемъ, что потерялъ, проѣлъ, товарищи украли. Выпорютъ за это непременно или, для ускоренія взисканія, побьютъ по зубамъ, но накажутъ непременно, потому что арестанту безъ этого прожить невозможно. Новыми вещами снабжать также непременно, потому что казнѣ безъ этого нѣтъ иного выхода, было бы нечего дѣлать. Одевка, такимъ образомъ, производилась въ каждомъ губернскомъ городѣ, а проматыванье вещей существуетъ во всей силѣ, не смотря на указы, изъ которыхъ первый издавъ былъ еще въ 1808 году; продавались даже кандалы, т. е. сибирскіе, фунтовъ 10 — 12 вѣсомъ, и обмѣнивались у мѣстныхъ барышниковъ на 5 и 4-хъ фунтовыхъ. Барышники, за недостающее количество желѣза до вѣсу казенныхъ, доплачивали арестантамъ по взаимному договору.

Тобольская тюрьма на этапный путь производила то вліяніе, что составу партій давала иное направленіе. До сихъ поръ шли по Россіи всѣ вмѣстѣ, отсюда уже отдѣльно: каторжные — своею партіею, поселская партія особо, женщины, по указу 1826 года, также въ своей отдѣльной партіи. Потомъ, на дальнѣйшемъ пути, арестанты умѣли эти партіи спутать и на мѣченный законнымъ уставомъ видъ измѣняли по своему уставу, но въ приказѣ объ сортировкѣ усердно хлопотали. Разъ въ недѣлю выходили оттуда либо кандалная, либо женская и потомъ поселская, либо такъ: первая кандалная, первая, вторая, третья поселскія, потомъ женская, опять поселскія четвертая, пятая, вторая кандалная и потомъ опять четыре-пять поселскихъ, одна за другою по недѣлю. Идущіе въ кандалахъ шли вольно, отдѣльно. Посельщиковъ по три, по четыре пары приковывали къ цѣпи въ наручникахъ по-двое. Наручникъ этотъ изобрѣтенъ командиромъ отд. корп. внутр. стражи, генераломъ Капцевичемъ, и былъ утвержденъ 1 марта 1832 года. Для него потребовалась цѣпь, а прежде ходили прикованными къ пруту. Прутъ оказался неудобнымъ: при ходьбѣ рука каждаго терлась объ

*) Въ этомъ случаѣ гражданскіе арестанты не могли надвинуться и напакаться тому предпочтенію, которое оказывается военнымъ арестантамъ. Эти вмѣсто котовъ, какъ извѣстно, полуцаютъ сапоги.

его собственный наручникъ, который не всегда приходился по рукѣ. Высокіе люди тащили вверхъ малорослыхъ, а эти тянули руки высокихъ внизъ; слабые за сильными не поспѣвали. Отъ безпрестаннаго тренія на рукахъ появлялись опухоли и раны, на прикрѣпленные къ пруту руки нельзя было надѣвать рукавицъ. Холодъ отъ желѣза причинялъ ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что нельзя было дѣлать руками этими никакихъ движеній, чтобы согрѣться. Унтеръ-офицеръ, сопровождавшій партію, не имѣлъ права, во время пути, отворять замка, укрѣпленнаго на концѣ прута; ключъ отъ замка хранился въ особомъ ящикѣ, за казенною печатью, изъ-подъ которой могъ быть вынуть только по прибытіи въ этапъ, гдѣ находился офицеръ. Слѣдовательно, если заболѣвалъ одинъ изъ арестантовъ въ дорогѣ, то должно было всѣхъ вмѣстѣ сажать на повозку. На ночлегахъ арестанты не имѣли нужнаго покоя, ибо движеніе одного чувствовали всѣ прочіе, прикрѣпленные къ пруту. Каждый разъ, когда нужно было одному изъ нихъ выходить ночью на дворъ, всѣ товарищи должны были его сопровождать. „Ужасъ и уныніе, — свидѣтельствуеетъ официальный актъ: — замѣчаемые въ арестантахъ въ то время, когда дѣлались приготовления прикрѣплять ихъ къ пруту, всеобщая радость и благодарность, возсылаемая къ благодѣтельному начальству, когда отправляютъ ихъ порознь въ кандалахъ, явно убѣдили въ томъ, что пруты для нихъ, безъ всякаго сравненія, отяготительнѣе кандаловъ“. Пруты, просуществовавшіе восемь лѣтъ (съ 1824 года), были замѣнены цѣпью различной длины (отъ 11 вершковъ до 1½ аршина). На цѣпи теперь другое горе: бойкіе на ногу тянутъ заднихъ тихоходовъ; становится одинъ за нуждою — всѣ должны стоять и дожидаться, а скovskyвають иногда человекъ по восьми, по десяти. Но арестанты и этотъ способъ счужили медленнымъ хожденіемъ (при чемъ нельзя распознать перваго виноватаго) до того обезобразить, что сами конвойные охотно перестаютъ примѣнять его. Они хорошо знаютъ, что надо пройти въ день до стоянки верстъ 30 и больше. Утромъ вышли — надо ночевать на полуэтапѣ; опять день идти, чтобы попасть на этапъ. Здѣсь дневка — дается отдыхъ (растахъ, по тамошному). На третій день опять путь-дорога до ночевки на полуэтапѣ и дневки на этапѣ. А тамъ и пошла писать эта медленная путина, долговременная ночевка до мѣста назначенія. Пойдемъ вслѣдъ за арестантами.

Выйдемъ изъ тобольской (а теперь изъ томской) тюрьмы, чтобы слѣдовать за арестантами снова вдоль этапнаго пути, у котораго конецъ еще не ближній и во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ для самаго дальняго преступника находится теперь мѣсто его родины. Вотъ что мы слышимъ.

На первомъ привалѣ и отдыхѣ арестанты устраиваютъ въ средѣ своей отдѣльную и самостоятельную артель, которая имѣетъ такой же смыслъ, значеніе и важность, какія имѣютъ всяческія артели, успѣвшія поглотить въ себя все работающее населеніе, во всѣхъ углахъ и странахъ нашего отечества. Устраиваемая на первомъ привалѣ арестантская артель существуетъ затѣмъ во все время этапнаго пути и существуетъ самостоятельно и отдѣльно отъ той, которая установлена и поощряется закономъ. Не уничтожая, даже не ослабляя смысла и значенія той, которая сочиняется въ Тюмени по приказу чиновниковъ, эта новая артель, въ то же время, имѣетъ особенный, самобытный характеръ, съ которымъ плотнѣе и сильнѣе дружится путешествующій преступникъ. Она тоже не требуетъ особыхъ нововведеній, измѣненій и улучшеній, она тоже является въ готовой формѣ. Богъ вѣсть когда придуманной, но до сихъ поръ свято соблюдаемой. Арестанты такую артель любятъ и безъ нее не только не ходятъ по этапамъ, но и не живутъ въ тюрьмахъ. Эта артель — жизнь и радость арестантской семьи, ея отрада и покой. Въ казенной артели полагается староста, въ арестантской — откупщикъ, ма и д а н щ и к и; вотъ въ чемъ вся разница этихъ двухъ артелей, повидимому, ничтожная, но, въ сущности, огромная.

Образованію арестантской артели предшествуютъ торги, со всѣми признаками этого обычнаго вида коммерческихъ операцій. Торги производятся на отдѣльныя статьи: 1) содержаніе водки, 2) содержаніе картъ, съѣстныхъ припасовъ, 3) одежныхъ вещей и проч. (иногда въ примѣчательной подробности). Къ торгамъ допускается всякій, безъ различія, но выигрываетъ только тотъ конечно, у котораго потяже другихъ мошна, который самъ бывалъ въ передѣлахъ, а дѣло торговли ему и знакомое и привычное. Это большею частью люди бережливые, скопидомы, у которыхъ замерло въ сердцѣ всякое поползновеніе на соблазнъ, для которыхъ и въ тюрьмѣ жизнь не беспорядочна, не разбита отчаяніемъ, а несетъ тѣ же живыя струи и рисуется съ тѣми же отбѣнками, какъ и жизнь на свободѣ. Бѣднякъ и разочарованный на такое дѣло не пойдутъ, но не выпускаютъ его изъ своихъ рукъ тѣ, которые и на свободѣ маклачили торговлю и по этапамъ счужили уберечь и припрятать кое какую копейку.

Откупныя статьи поступаютъ, по большой части, въ однѣ двое руки, но если идетъ большая партія (напр., свыше ста человекъ), торги становятся дробными. Въ однѣ руки сдаютъ право на содержаніе картъ, костей, юлки и другихъ игорныхъ принадлежностей; въ другія руки поступаетъ торговля табакомъ, водкою и всѣми возбуждающими сластями и удовольствующими наслажденіями; въ третьи руки